

Александр БУТАКОВ

ПЕРВЫЕ ПОБЕДНЫЕ САЛЮТЫ

*ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА
БОЕВ НА КУРСКОЙ ДУГЕ*

Автор воспоминаний — участник боев на Курско-Орловской дуге — ныне майор в отставке, заслуженный работник культуры РСФСР. Проживает в г. Барнауле. На фронте в составе 441-го стрелкового полка был сержантом, командиром расчета в роте 82-мм минометов, затем непродолжительное время командиром взвода. Тяжело ранен при наступлении наших войск под Кировоградом.

Конечно, в то время автору не были известны многие замыслы командования и положение дел в армии и в Степном фронте, в составе которого была 116-я стрелковая дивизия. Многие стало известно только после войны, когда в печати появились материалы о Курской дуге. Поэтому воспоминания написаны не только на основе личных впечатлений автора, но и с использованием многих высказываний и воспоминаний командующих армией и фронтом.

Август 1943 года... Только что отгремели бои за Орел и Белгород. Освобождена значительная часть территории, оккупированной немцами. Жители городов и сел встречали цветами своих освободителей, а в вечернем выпуске последних известий голос Левитана принес волнующую весть: в ознаменование освобождения от немецко-фашистских захватчиков Орла и Белгорода столица нашей Родины Москва салютует двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий!

В истории Великой Отечественной войны это был первый салют в честь боевой доблести Советских Вооруженных Сил.

С тех пор минуло 50 лет. Но и сейчас для нас, ветеранов войны, он остался в памяти навсегда. Хорошо помнится, с каким огромным энтузиазмом, волнением и радостью мы — участники боев за Белгород — восприняли эту весть. Еще бы! Ведь это первый салют! Именно первый победный — и в честь соединений, в рядах которых мы сражались. В честь тех, кто вынес на своих плечах тяжелые испытания Курской битвы и вышел победителем.

Мне довелось непосредственно участвовать в сражениях на Орловско-Курской (как ее потом справедливо назвали, огненной) дуге почти с самого начала и до конца. Был я в то время командиром минометного расчета в роте

82-мм минометов второго батальона 441-го стрелкового полка. И скажу, что первый салют еще сильнее укрепил нашу уверенность в победе над ненавистным врагом. И даже в тяжелые часы и дни последующих боев, когда мы испытывали, казалось бы, непреодолимые трудности фронтовых будней, эта уверенность нас не покидала. Мы были убеждены, что враг будет окончательно повержен и изгнан с советской земли. Эта наша убежденность как бы еще лишний раз подкреплялась салютами родной Москвы.

Во время, когда гремели залпы первого салюта, мы обрушивали артиллерийско-минометный огонь на врага, пытавшегося закрепиться и удержаться на новых позициях. Немцы в ночь с 5 на 6 августа вынуждены были сняться с этих позиций, отступая в сторону Харькова. В первую же ночь после салюта мы прошли в этом направлении вдоль железнодорожной линии около 20 километров, не встретив на своем участке сколько-нибудь серьезного сопротивления. Своим особым солдатским чутьем мы почувствовали и поняли, что после сражений у Прохоровки и Белгорода враг не только физически подавлен, но и морально растерян. Фашистские части пытались как можно быстрее оторваться от наших артиллеристов и стрелковых полков и чтобы, что называется, прийти в себя. Именно об этом свидетельствовали показания многих пленных солдат и офицеров. Раньше они не думали, что им придется отступать, они были уверены, что якобы лето — это их пора, что русским, как под Москвой, так и под Сталинградом, содействовала зима, но зато летом они возьмут реванш. А теперь некоторые прямо говорили, что столь мощного натиска со стороны советских войск они не ожидали и что теперь у них мало уверенности в том, что удастся надолго закрепиться в Харькове. Как известно, вокруг этого города была создана мощная оборона с большой насыщенностью артиллерии, танков и отборных частей пехоты. Мы об этом знали и на подходах к городу часто меняли свои огневые позиции, применяя тактический маневр.

Попытки немцев контратаковать теперь уже раз за разом проваливались, не приносила ожидаемого успеха и их мощная артиллерийская огневая система. Мы же стремительно продвигались вперед, часто применяя ночные боевые вылазки и атаки, что вводило противника в заблуждение, заставляло оставлять одну оборонительную линию за другой. Через восемь дней после освобождения Белгорода полки нашей и других соседних с нами дивизий 53-й армии были уже на ближних подступах к Харькову.

Чувствовалось по сопротивлению немцев, что бои предстоят нелегкие, что враг за Харьков будет драться крепко. Но, с другой стороны, нам было ясно, да это видно было и на деле, что, наконец, пришло время, когда превосходство немцев и в технике, и в тактике ведения современного боя сведено к нулю, не говоря уже о их стратегических замыслах, которые стали лопаться, как мыльные пузыри. Вспоминаются слова, сказанные одним из старших офицеров на собрании сержантского состава еще перед наступлением в районе Белгорода, о том, что бойцы и командиры Красной Армии полностью превосходят солдат и офицеров противника в моральном отношении, боевых качествах и физической выносливости, советский воин на деле доказал свою высокую стойкость, ну а в храбрости и силе воли ему не откажешь. Он защищает свою землю, родную Отчизну, проявляя беспримерный героизм.

На память приходит немало фактов и событий, когда, например, наш 441-й стрелковый полк во главе с майором, бывшим политруком, сибиряком Соболевым не раз отличался в боях. За время моего пребывания в полку с апреля 1943 года до января 1944-го (я был тяжело ранен при наступлении под Кировоградом) не было случая, чтобы кто-то смалодушничал. Все подразделения, в том числе и наш второй батальон, которым командовал в то время капитан Базаров, всегда образцово выполняли приказы командования. В минометной роте старшего лейтенанта Шенцова, где мне довелось воевать, не раз отличались высокими качествами мужества и отваги командиры взводов лейтенанты Чесноков, Петелин и Соловьев, сержанты и рядовые минометчи-

ки: Скорняков, Сулов, Тагаев, Плотников, Еремин, Редькин, Казанцев, Агенко, Кислицын, Овчинников, Клуниченко, Чадайкин, разведчик Максимов, Дубинин, Гнилоквас, Юрченко, Зубков, Фурсов, Залевский, другие мои боевые друзья и товарищи по фронтовой жизни. Многие из них были награждены орденами и медалями. Под Харьковом погибли мои товарищи по училищу, молодые парни с Алтая Крайнов и Суконцев.

В числе награжденных был и минометчик Петр Тутов. Судьбе было так угодно, что Тутову, родившемуся и жившему до войны на Курщине, довелось встать в строй освободителей своих родных мест. Вот они милые сердцу широко раскинувшиеся степи, прорезанные крутыми балками, зеленые соловьиные рощи, где не раз бывал он со сверстниками, полевые дороги, далеко уходящие за горизонт! Но сейчас здесь дым пожарищ, да кое-где сохранившиеся остовы русских печей. Ни хат, ни построек... Почти все пожег враг. Не радуют глаз и покореженные рощи. Некогда ровная гладь проселков испещрена воронками от снарядов и бомб. Такой пришлось увидеть 19-летнему пареньку в солдатской шинели, с винтовкой в руках и минометной плитой за спиной свою малую родину. Поклонился он ей, крепче сжал винтовку и пошел дальше, его и его боевых товарищей ждут другие села и города, томящиеся под игом врага.

...Перед боями на Курской дуге наша 116-я стрелковая дивизия, входившая в состав 53-й армии, дислоцировалась примерно в 150—180 километрах от переднего края. Здесь же были сосредоточены (а вернее, рассредоточены) и другие армии, входившие в состав Степного военного округа. Как мы понимали, этот округ был своего рода запасным фронтом. И уже только после войны стало известно, что это действительно был резервный фронт Ставки Верховного Главнокомандования. О его существовании, естественно, противник не подозревал. Войска округа находились в глубоком тылу многоэшелонированной обороны Курского выступа.

После Сталинградского сражения наша дивизия, как впрочем и соседние соединения, находилась на т. н. переформировании и отдыхе. Отдых, однако, прямо скажем, был условным. Фактически же мы изо дня в день по 14—16 и более часов в сутки работали. Строили оборонительные сооружения, занимались огневой и тактической подготовкой. Тщательно маскируя свое присутствие, ежедневно «ходили в атаки», «брали с боем высоты и укрепления», делали марш-броски по 10—20 километров, сходу вступали в бой с условным противником, отражая его «контратаки» и т. д. Короче, мы, особенно молодежь, только что прибывшая из сибирских военных училищ и пополнившая полки и подразделения дивизии, овладевали искусством ведения так называемого ближнего боя, учились борьбе с танками. Наши командиры, придерживаясь принципа «тяжело в учении, легко в бою», не щадили ни себя, ни нас. Днем и ночью мы вскакивали по тревоге, отражали «вылазки врага», в сопровождении так называемого огневого вала «наступали» в условиях, приближенных к боевым. Мы с интересом слушали рассказы бывалых воинов, старались с учетом их опыта глубже постичь искусство владения оружием, учились пользоваться противотанковыми ружьями, связками гранат и бутылками с горючей смесью. Учились всему, что необходимо уметь в бою.

И вот сейчас, как-то просматривая книгу командующего 53-й армией генерал-лейтенанта И. М. Манагарова «В сражении за Харьков», я вновь переживаю то время, вижу курские и воронежские степи, покореженные войной перелески, разбитые и сожженные села и своих товарищей, упорно и настойчиво готовящихся отомстить врагу за порушенное. А готовились к предстоящим боям мы основательно.

«Предстояло заново подготовить и обучить, — вспоминал И. М. Манагаров об этом периоде, — десятки тысяч новых бойцов — молодых, необстрелянных, сколотить соединения в могучий боевой кулак, добиться высокой боеготовности каждой части, каждого подразделения. Учебу приходилось сочетать с

большой работой по созданию и совершенствованию глубоко эшелонированной обороны: наши бойцы вырыли сотни километров окопов и траншей...»

Исключительное внимание уделялось борьбе с танками. Дело в том, что гитлеровцы, готовясь к наступлению на Курско-Орловской дуге, особые надежды возлагали на свои новые танки «тигр» и «пантера», а также на самоходные артустановки «фердинанд».

Степной округ, вскоре переименованный в Степной фронт (впоследствии 2-й Украинский), которым командовал И. С. Конев, был мощным стратегическим резервом, представлял крупное скрытное сосредоточение войск и материальных средств. Наряду с боевой подготовкой с нами проводилась большая политическая работа, в части и подразделения больше стало поступать литературы и газет. Немало мы черпали полезного из своей дивизионки «Сибирский стрелок». Постоянно чувствовалась отеческая забота со стороны политработников и командиров как среднего, так и высшего командного состава. Численно выросли первичные партийные и комсомольские организации. Например, в нашем полку каждый четвертый был членом партии, а каждый второй — комсомольцем.

Таким образом, мы — бывшие курсанты, которых в отдельных подразделениях было большинство, после учебы в глубоком тылу снова попали на учебу, но теперь уже приближенную к фронтовой обстановке, жили в блиндажах и окопах. А фронт был не так уж далеко, и все мы стремились быстрее попасть туда, чтобы бить ненавистного врага. Но командиры и политработники «урезонивали» нас, ставя одну задачу за другой, настойчиво и терпеливо добиваясь все более высокой боевой выучки и понимания обстановки.

И вот настал наш час. В одну из ночей первой декады июля наша дивизия (мне это запомнилось как помощнику дежурного по части) была поднята по сигналу «боевая тревога». Недолгие сборы — и через считанные минуты батальоны на марше. Бросок совершался в сторону передовых позиций. Шли в быстром темпе с полной выкладкой боевого снаряжения. У нас же, кроме личного оружия, на плечах двадцатикилограммовые минометные стволы, лафеты и плиты. Вот уже кончилась ночь, рассвет сменился восходом солнца, а мы все шагаем и шагаем... Наконец — первый привал.

В краткой беседе во время привала командиры взводов познакомили с обстановкой на передовой и с поставленной перед дивизией задачей. Мы более подробно узнали о положении дел на фронте и обстановке. Противник, развернув наступательные действия по всей линии от Белгорода и до Орла, стремится смять нашу оборону, советским войскам кое-где пришлось отступить. Бои идут тяжелые, кровопролитные. В сражении участвуют танковые соединения, с воздуха непрерывно атакуют самолеты. Нам предстоит ускорить свое движение и сходу вступить в бой, сменив отдельные обескровленные части и подразделения Воронежского фронта, с задачей остановить противника и развернуть контр наступление. Так вкратце нам была изложена обстановка командиром взвода лейтенантом Петелиным.

Шли мы преимущественно ночами. Темп марша был настолько высок, что тылы за нами не успевали. Безнадежно отстали полевые склады с продовольствием, а сухой паек нам выдать не успели. Даже батальонные походные кухни, не говоря уж о полковых пекарнях, на второй же день остались далеко позади. Так что мы по существу длительное время оставались без хлеба и горячей пищи. Но никто не роптал. Знали, что при таком темпе марш-броска (до 40 километров в сутки) не мудрено отстать с обозом даже самому расторопному старшине. Однако мы шли и шли. Откуда только брались силы? Высокой выносливостью мы обязаны были тем дням полевой учебы, что проводилась во время переформирования.

Мы, конечно, не знали всей задачи, поставленной перед Степным фронтом, но четко представляли конкретную — быстрее дойти до передовой и сходу вступить в боевые порядки наших обороняющихся войск. Примерно на третий

день марша почувствовали, что только один-два перехода отделяют нас от передовой. Все чаще и чаще на нас стали пикировать и бросать бомбы вражеские самолеты, появились раненые. Слышен был и отдаленный гул боев, а ночью горизонт представлял собой сплошное зарево, сопровождаемое взрывами и яркими вспышками артиллерийско-минометного огня.

Вот уж и неприятный посвист пуль. К утру заняли отведенные нам позиции, стали быстро строить блиндажи и рыть окопы. Но оказалось — они нам без надобности. Батальон и наша минометная рота через некоторое время были отведены на другой участок, и мы вступили в бой. На нас сыпался град снарядов, земля дрожала от разрывов бомб, все кругом было в дыму, от гари трудно дышать. Как только немецкие самолеты переставали пикировать на занятую нами небольшую высотку, мы открывали огонь из своих минометов. Так повторялось по нескольку раз в день. И что характерно, постоянные бомбежки врагом наших позиций и его арталеты в течение первых трех дней участия роты в бою нам, по существу, вреда не причинили, все были в строю и продолжали активно вести огонь по вражеским позициям. Глубокие окопы и хорошая маскировка сыграли положительную роль. Немцы много раз атаковали высотку, но откатывались назад, неся потери. Здесь мы впервые «познакомились» и с «тиграми». Но и они не поколебали нашу оборону. Хорошо с ними бились наши артиллеристы и бронбойщики. А ведь на «тигров» немцы возлагали большие надежды.

Как известно, усиленные танковыми корпусами армии Гитлера летом 1943 года стремились взять под Курском и Орлом реванш за Сталинград. В их планы входило, развернув мощное наступление, окружить наши войска, выдвинувшиеся к весне 1943 года далеко на запад. Образовалась своеобразная дуга. Если повести наступление от ее оснований на юге и севере, то можно отрезать советские армии на образовавшемся выступе. Гитлеровские генералы тщательно готовились к этому. И вот в начале июля 1943 года вступила в действие операция под кодовым названием «Цитадель». Они надеялись в случае успеха повернуть ход войны в свою пользу. Но «Цитадель» с треском провалилась. К середине июля, особенно после танкового боя под Прохоровкой, наши войска, выдержав натиск врага, перешли от обороны в контрнаступление. В это-то время как раз и были введены в бой свежие силы Степного фронта, в том числе и 53-й армии, в составе которой была наша 116-я стрелковая дивизия генерал-майора И. М. Макарова. К 23 июля они, разгромив передовые части немцев, вышли на рубежи, которые занимали наши войска до 5 июля, то есть до наступления фашистских армий. В задачу данных записок не входит описание хода сражений в целом на Курско-Орловской дуге. Поэтому касаюсь лишь некоторых моментов боевых действий непосредственно своей дивизии.

Несколько дней мы занимали оборону на подступах к Белгороду, одновременно готовились для наступления. Оно началось крупными силами в начале августа. Запомнился бой за село Красное, что недалеко от Белгорода. Оно являлось одним из сильно укрепленных оборонительных пунктов немцев. Части и подразделения нашей дивизии скрытно по балке с северо-востока и по кукурузному полю с юго-востока подошли почти вплотную к селу. Наша минометная рота, поддерживая атакующие подразделения своего полка, вела активный огонь по противнику. Но оборонявшиеся части немцев, имея в своем распоряжении сильные огневые средства, в частности, крупнокалиберные пулеметы, артиллерию и минометы, сдерживали натиск нашего батальона. Пришлось на некоторое время окопаться у околицы села и выбрать новый момент для броска. В это время над нами появились немецкие пикировщики, посыпались бомбы, усилила прицельный огонь артиллерия противника. Командир нашей роты Шенцов приказал срочно сменить позицию, передвинуться вплотную к селу. С новой более удобной позиции мы открыли беглый огонь из всех своих девяти минометов. Это помогло стрелковым ротам батальона выбрать момент для броска в село. В течение считанных минут юго-восточная

окраина Красного была в наших руках. Соседний 548-й полк нашей дивизии также ворвался в село.

Утром вышли мы на шоссе Обоянь-Белгород, обходя город с северо-запада. Через день Белгород был освобожден, а ночью с 5 на 6 августа прозвучал в Москве тот самый первый салют в честь соединений Воронежского, Степного, Брянского, Центрального и Западного фронтов, освободивших Белгород и Орел. Первый этап Курской битвы прошел для нас успешно. Сразу два города стали городами первого салюта.

Интересно также отметить такую вроде бы и незначительную в масштабах тех событий, однако, важную деталь. В числе солдат и сержантов в нашей дивизии (надо полагать, и в других) было немало молодых воинов рождения 1924 года и, как уже сказано, они составляли добрую половину подразделений первого эшелона наступающих частей. Многим, как и автору этих строк, исполнилось 4, 5 и 6 августа по 19 лет. И надо было видеть, каково было наше ликование, когда стало известно о салюте, да еще в день рождения. Первый салют стал для нас дорогим праздником вдвойне.

Значение салюта в подъеме морально-политического духа воинов усиливалось еще и тем, что всем нам в приказе Верховного Главнокомандования объявлялась благодарность. Каждому участнику боев за Белгород и Орел выдано на руки удостоверение, фиксирующее эту благодарность, которая воспринималась нами как награда Родины за особые заслуги. Такие удостоверения, оперативно готовившиеся в дивизионных и армейских типографиях, нам были выданы позднее также за другие города, в честь освобождения которых звучали салюты. До сих пор храню удостоверения, в которых значится благодарность Верховного Главнокомандования за Харьков, Полтаву и Кременчуг. Эти реликвии дороги для меня как память незабываемых лет огненной юности.

Сломив сопротивление германских войск и освободив Белгород, 53-я, в том числе и наша дивизия, ринулась вдоль шоссе и железной дороги на Харьков. 9 августа была освобождена деревня Журавлевка, где немцы, укрепив свою оборону, пытались сдержать натиск подразделений нашей дивизии, а 13 августа мы были уже под Харьковом, в поселке Лозовеньки. Здесь противник по нескольку раз в день предпринимал яростные контратаки. Однако, кроме больших потерь в живой силе, они ему ничего не дали. Больше того, он вынужден был под давлением наших сил оставить с. Малую Даниловку, хутор Зайчик, а также зоотехникум и поселок Караван. И все-таки немцы жестоко сопротивлялись, вводили новые силы.

Хочется остановиться на одном из эпизодов этого боя. Наша рота 82-мм минометов приблизилась вплотную к зарослям вдоль берегов речки Лопань. Немцы укрепились на высотке за хутором Зайчик и были в более выгодном положении не только по отношению к нам, но особенно к позициям артиллеристов, находящимся в 300-х метрах сзади нас. Наблюдатели противника, очевидно, заметили батарею артиллеристов и засекли ее. Обрушился шквал огня. Немцы посылали по батарее снаряд за снарядом. Из-за дыма мы уже не видели позиций артиллеристов. Сами же в это время готовили минометы к бою, продолжали окапываться. Командир роты выдвинулся с телефонистами на наблюдательный пункт и оттуда корректировал ход пристрелки, которую вел первый расчет. И вот его мины упали точно в цель, тогда командир роты командует: по данным первого расчета открыть огонь всем взводам. Но в этот момент, когда командир огневого взвода Чесноков не успел до конца произнести последнюю фразу приказа, вдруг в расположении роты разорвался шальной крупнокалиберный снаряд противника. Произошло прямое попадание в первый расчет. Погибли наши лучшие минометчики — командир расчета сержант Скорняков, наводчик (в него-то и угодил снаряд) младший сержант Дягилев, заряжающий младший сержант Еремин. Ранен был подносчик мин. Полностью оказался разбитым и отброшенным взрывом на 10—12 метров в сторону миномет. Про-

изошло минутное замешательство. Новую пристрелку приказано было произвести моему расчету. Затем повторилась команда на беглый огонь всем (теперь уже восьми) минометам. С большим ожесточением и злой яростью, держа точный прицел, мы били по противнику, мстя за погибших товарищей. Каждым минометом в течение считанных минут было выпущено по врагу по 19 мин. Потом мы узнали, что командир роты Шенцов как раз и засек ту немецкую батарею, которая вела прицельный огонь по находящимся сзади нас артиллеристам. После нашего огня немецкие снаряды на них уже не падали. А под вечер мы похоронили своих товарищей, отдав им последние почести. Что подлашь, война есть война и без жертв она не бывает.

Своевременное подавление нами немецкой батареи и точный прицельный огонь по другим огневым точкам вражеских минометчиков и артиллеристов дал возможность батальону капитана Базарова и другим подразделениям продвинуться вперед, углубиться в лес и приблизиться к поселку Куряжанка. Помню, что здесь, в лесу, мы захватили в плен одного из зазевавшихся обер-лейтенантов.

Под Харьковом противник ввел в сражение большие соединения живой силы, артиллерии и 400 танков. Из показаний пленных нашему командованию стало ясно, что нашим войскам противостоят отборные части немецких дивизий СС «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг» и других. Из-под Орла, как стало потом известно, в район Харькова была срочно переброшена моторизованная дивизия «Великая Германия».

В течение недели шли тяжелейшие бои. Нашей и другим дивизиям хорошо помогли подразделения первого мехкорпуса генерала Соломатина. Ежедневно полки дивизии, маневрируя в прилегающем к городу лесном массиве, продвигались вперед. Немцы были выбиты с высот, подступающих к Харькову с северо-запада. Наш 441-й полк освободил село Гавриловку, а соседний 548-й занял поселок Подворки и вплотную подошел к речке Уды. В одну из ночей силами понтонного батальона через нее была наведена переправа. В атаку пошли бронированные машины 5-й гвардейской танковой армии. 22 августа произошло крупное танковое сражение в поселке Коротыч. Наши танки, как и под Прохоровкой, смело шли на таран. Утром, когда мы вошли в село, то увидели сотни трупов в темной форме СС. Улицы были запружены разбитой немецкой техникой. Взятием поселков Рейленовка и Песочин, станции Коротыч были перерезаны железная и шоссейная дороги на Полтаву. Ночной бой сводных штурмовых отрядов завершил последний этап битвы за Харьков. Окончилось 50-дневное сражение на Курской дуге. Гитлеровские дивизии отступали на Мерепу и откатывались вдоль железной дороги на Полтаву. А днем, 23 августа, в Харькове состоялся многотысячный митинг по случаю окончательного освобождения города от немецко-фашистских захватчиков.

Вечером 23 августа стало известно о втором победном салюте Родины. Как рассказывали позднее очевидцы, столица ликовала, радостно отмечая славную победу в боях за Харьков. Небо озарилось яркими вспышками разноцветных огней, прозвучали залпы мощного артиллерийского салюта. Было их теперь 20 из 224 орудий.

Десяти особо отличившимся дивизиям, в том числе и нашей 116-й, были присвоены почетные наименования Харьковских. Родина высоко оценила заслуги воинов. Многие из них были представлены к государственным наградам, а проявившим особый героизм было присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Всему личному составу частей и подразделений, участвовавших в освобождении Харькова, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандования.

...Война продолжалась. Впереди были новые бои, новые тяжелые большие и малые сражения. В честь войск 2-го Украинского фронта прогремели салюты за Полтаву и Кременчуг. Наша дивизия готовилась к форсированию Днепра...

Победа на Курской дуге положила начало широкому наступлению совет-

ских войск и массовому изгнанию фашистских орд с территории нашей страны. Под Курском и Орлом была сорвана последняя попытка крупного плана гитлеровских генералов повернуть ход войны в свою пользу. Однако до полной нашей победы было далеко. Нам предстояло пройти еще немало трудных и тяжелых дорог войны, испытать и горечь утрат и принести немало жертв. Но мы все стремительнее шли на запад, твердо зная, что враг будет разбит в его собственном логове.

Так оно и произошло. За первыми победными салютами последовали многие другие. Наши войска, изгнав гитлеровские армии с территории Советской страны и выполняя интернациональный долг, освободили народы Восточной Европы от фашизма.

...Салюты Родины! Как это много значило! Фронтовики с огромным энтузиазмом и благодарностью принимали эти воинские почести! Впоследствии салюты Москвы в честь отличившихся фронтов и соединений стали традиционными и имели большое политическое значение. Они занимали особую роль в воспитательной работе среди воинов и всего советского народа, звали на новые боевые и трудовые дела. Вспоминается, как мы все радовались освобождению столицы Украины. В честь победы за Киев прогремело 24 залпа из 324 орудий.

...И вот окончательная Победа над гитлеризмом... В честь этого особо знаменательного события был дан самый грандиозный салют. В день всенародного праздника 9 Мая 1945 года столица нашей Родины Москва салютовала победителям тридцатью артиллерийскими залпами из 1000 орудий!

Хорошая традиция военных лет утвердилась, и важнейшие знаменательные события отмечаются праздничными салютами и фейерверками.

«Салют Москвы» — эти русские слова знают все народы Земли.

Салют Москвы — значит мир, свобода, счастье.